

Вяра

Единадесета неделя след Деня на Света Троица

В ЕДИНАДЕСЕТА НЕДЕЛЯ СЛЕД ДЕНЯ НА СВЕТА ТРОИЦА, ЗА ДЕСЕТЕ ХИЛЯДИ ТАЛАНТА

Рабе лукави, аз ти простих целия оня дълг, защото ми се примоли, не трябваше ли и ти да се смилиш над другаря си?
(Мат. 18:32, 33)

Благослови, отче!

Благочестиви християни! Иисус Христос ни предлага различни поучения, понякога с притчи, за да ни направи милостиви и да прощаваме съгрешенията на другите, както Бог всеки ден прощава безбройните ни грехове. Бог винаги ни поучава да не бъдем злопаметни към никого, а винаги да прощаваме. Например, когато апостол Петър попитал Христа: „Господи, колко пъти да прощавам на брата си, кога съгрешава против мене? До седем пъти ли?“, Той му казал: до седемдесет пъти по седем на ден, ако съгреси някой против теб, прости му“. Но нека тази прошка да не ни се струва нещо голямо. Това, което Бог ни прощава, е повече. Защото всеки час съгрешаваме по хиляда пъти и Бог пак ни прощава, както ще чуем сега от днешното свето Евангелие.

Евангелие от Матей, зачало 77

Рече Господ тази притча: царството небесно прилича на цар, който поиска да си разчисти сметката със слугите си. Когато почна той да разчистя сметката, доведоха при него одного, който му дължеше десет хиляди таланта, а понеже той нямаше с какво да заплати, господарят му заповяда да продадат него и жена му, и децата му, и всичко, що имаше, и да заплати, тогава той слуга падна и, кланяйки му се, казва: господарю, имай търпение към мене, и всичко ще ти изплатя. А господарят на този слуга, като се смили, пусна го и му прости дълга. Слугата пък, като излезе, намери одного от другарите си, който му дължеше сто динария, и като го хвана, давеше го и му казваше: изплати ми, което ми дължиш, тогава другарят му падна пред нозете му, молеше го и думаше: имай търпение към мене, и всичко ще ти изплатя, но той не рачи, а отиде и го хвърли в тъмница, докле да изплати дълга! Другарите му, като видяха станалото, много се огорчиха и дойдоха, та разказаха на господаря си всичко, що се бе случило. Тогава господарят му го повика и казва: рабе лукави, аз ти простих целия оня дълг, защото ми се примоли, не трябваше ли и ти да се смилиш над другаря си, както и аз се смилих над тебе? И като се разгневи господарят му, предаде го на мъчители, докле да му изплати целия дълг. Тъй и Моят Отец Небесен ще стори с вас, ако всеки от вас не прости от сърце на брата си прегрешенията му. (Мат. 18:23-35)

ТЪЛКУВАНИЕ

Благочестиви християни, тази притча е много страшна за всички немилостиви законопрестъпници, заплашени от царя. Царят е Богочовекът Иисус Христос, а ние сме Негови слуги. Той си разчиства сметката с нас, когато изпитва съвестта ни, която ни гризе и смущава, когато сме длъжни (грешни), защото всички ние дължим на Бога по много хиляди таланти

за благата, които ежедневно излива върху нас, за това трябва да сме благодарни и да не Го разгневяваме с греховете си. А най-много дължат тези, които заемат някаква началническа длъжност, защото ще дават страшен отговор пред Бога, ако не са положили усилия да научат народа на добродетели и ако са вършили зли и Богопротивни дела. Такива хора, които са изразходили Божиите таланти напразно, най-накрая ще изпаднат в много трудно положение и безкрайна мъка, и не само това, но и тук Бог ги предава на дявола да ги мъчи с болести и рани, за да се спаси душата им и да станат милостиви като днешния господар, на когото, като се помолил слугата му да го почака малко, той се умилостивил и му опростил целия дълг. Господарят казал да продадат жената и децата му, за да го накара да коленичи с плач и молба, та да получи опрощаване. Тогава и господарят му опростил всичко, само и само да помни доброто и да прави така със своите длъжници. Но понеже бил неблагодарен, слугата веднага забравил това голямо добро, защото, като излязъл и намерил един свой длъжник, който имал да му дава сто динария, го нападнал безчовечно и му искал стоте динария. Длъжникът се молел и казвал: „имай търпение към мене, и всичко ще ти изплатя“, а той не щял и да го слуша. А отишъл и го хвърлил в затвора. Гледайте безчовечност и се чудете! На него за една молба му опростили толкова хиляди, а той не пожелал да опрости сто динария и затворил длъжника си в затвора. Но после и той получил заслужена отплата за зверската си безчовечност. Защото господарят му, щом чул, че е затворил длъжника си за сто динария, го повикал, и му рекъл: „Лукав слуга, след като ти простих толкова хиляди, не трябваше ли и ти да простиш сто динария?“ И господарят му отменил предишното си решение и го предал на мъчителите, докато не му изплати всичките хиляди. Християни, виждате ли как справедливият Бог си разчиства сметката с лукавия слуга? Щом го видял, че е толкова безмислостен, веднага отменил

предишното си решение и си взел подареното, понеже се разгневил на безчовечността му. Когато бил длъжник, не го нарекъл лукав, но когато видял немилосърдието му, го нарекъл лукав слуга, защото немилосърдието и злопаметността не само са гнусни за Бога, но и са омразни за всички милостиви хора. Слушайте, немилостиви и безчовечни, уплашете се и разберете, че сами отвърщате Божиите дарове от себе си и си навличате вечна мъка. Слушайте, сребролюбци и вие, които нямате милост към съседите си. Слушайте, вие, които давате пари назаем и вземате лихва върху лихвата и тъпчете сиромасите. Слушайте и вие, които държите злопаметност в сърцето си и се уплашете от Бога за безбройните си грехове, защото иначе ще бъдете предадени на дявола като днешния лукав слуга, докато изплатите всичките си грехове. Ето така Бог ще накаже немилостивите, ако не простят от сърце съгрешенията на братята си.

ПОУЧЕНИЕ

Братя християни, помислете сами по кой път вървим, вижте, колко блага получаваме от Бога, а всички и стари, и млади, и мъже, и жени, и богати, и сиромаси, и свещеници, и архиереи не слушаме повелята Му и потъпкваме светите Му заповеди. Всички сме се отдалечили от Бога, няма кой да прави добро (Пс. 13:1, 3, 52:2, 4), но всеки постъпва по своя воля, а не по Божията. За това винаги съгрешаваме пред Бога: с лъжа, с ежечасни клетви, с обиди, лакомия, грабеж и лихварство, с което събличаме сиромасите и прием кръвта им като вълци, за да имаме да харчим за ядене, пиене и други телесни похоти. Помислете, колко мъчно влиза в Небесното царство този, който не раздава от честно придобитото си имущество на сиромасите, а къде ще отидат тези, които пият сиромашка кръв и грабят несправедливо? Далече, далече ще бъдат от Бога всички, които вършат беззаконие, и всички немилостиви, които не прощават на своите братя християни съгрешенията

им. Но някой може да каже: „Как да му простя, след като ме е псувал, гонил, клеветил, безчестил и така нататък?“. Но я чуите какво казва Господ: Отмъщението е Мое, и Аз ще отплатя (Втор. 32:35, Рим. 12:19, Евр. 10:30), а пророк Исаия казва: „Гладен ли е врагът ти, нахрани го, прости му и го предай на Бога Той да му отплати“. Помислете колко хули и обиди претърпял Христос от юдеите и колко Го хулели, били, плюли и Му се присмивали по време на разпъването, поставили Му на главата венец от тръни и Го приковали към кръста, но Той пак не изпитал отмъстителност, а и като висял на самия кръст, казал: Отче! Прости им, понеже не знаят, що правят (Лук. 23:34). Ако ли пък кажете: „Христос търпя, защото е Бог, а ние сме човеци и не можем“, то помислете за апостолите и мъчениците, нали и те бяха човеци като нас, но как търпяха да ги мъчат, гонят и убиват и как благославяха онези, които ги хулеха, търпяха, когато ги гонеха, утешаваха се, когато ги обиждаха, и прощаваха от все сърце на онези, които ги мъчеха. Като например първомъченик Стефан, който и когато издъхвал се молел за евреите, които го убивали с камъни, и казвал: „Господи, прости им, защото не знаят какво правят!“. За това както ние прощаваме на човеците прегрешенията им, така и Бог ще прости нашите.

Шестдесет и първа тълкувателна беседа на свети Иоан Златоуст върху Евангелие от Матей

*Свети Иоанн Златоуст. Фрагмент
от икона от Византия, манастир
"Света Екатерина" на Синай*

Тази беседа е с тълкуванието на стиховете от Светото Писание, четени в 11-та Неделя след Петдесетница. Намираме изяснение на гл. XVIII, ст. 21-35.

Беседа 61. Изъяснение XVIII, 21-35. Прощение обид – всегашня наша обязанность. – Сколь велико различие между грехами против Бога и против человека. – Величие благодеяний Божиих усугубляет тяжесть грехов против Бога. – Обличение пороков воинов, ремесленников, землевладельцев. – Изъяснение притчи о прощенном и оказавшемся неблагодарным должнике. – Польза безропотного перенесения обид. – Должно скорбеть о причиняющих нам зло.

Беседа 61

“Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз”. (Мф. 18:21-22)

1. Петр думал, что говорит нечто великое, почему, как бы желая похвалиться любовью к ближнему, заключил вопрос свой словами: “До семи ли раз”? Ты повелел, – говорит он Иисусу, – прощать обиды ближнему; сколько же раз я должен

делать это? Если, например, ближний часто будет погрешать и, по обличении всегда будет раскаиваться, – то сколько раз Ты повелишь нам прощать его? Того, кто не раскаивается и не осуждает себя за грех, Ты повелел по троекратном обличении оставить, сказав: “Да будет он тебе, как язычник и мытарь”, а для раскаивающегося не положил никакого предела, но велел принимать его. Итак, сколько же раз должно прощать его, когда он по обличении раскаивается? Довольно ли семи раз? Что ж отвечает Христос, человеколюбивый и благий Бог? “Не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз”. Число семьдесят крат седмицею берется здесь неопределенно, и означает непрерывную или всегдашнюю обязанность. Как выражение: “тысячу раз” употребляется для означения множества, так и настоящее выражение. Например, и в словах: “бесплодная рождает семь раз” (1Цар. 2:5), под словом “семь” Священное Писание понимает множество. Таким образом, Христос не определил числа, сколько раз мы должны прощать ближнему, но показал, что это постоянная и всегдашняя наша обязанность. То же самое объяснил Он и в следующей далее притче. Чтобы повеление, заключающееся в словах: “до седмижды семидесяти раз” не показалось кому-либо великим и трудным, Он присоединил эту притчу, в которой разъясняет смысл предыдущих слов, посрамляет того, кто бы стал гордиться прощением обид, и вместе показывает, что таковое повеление не трудно, а напротив весьма легко. Потому-то Он представил в ней человеколюбие Свое, чтобы ты отсюда познал, что, хотя бы седмижды семьдесят раз прощал ближнему, хотя бы все вообще его прегрешения всегда оставлял, – и тогда твое человеколюбие будет столь же далеко от бесконечной божественной благодати, которая для тебя нужна на будущем суде при требовании от тебя отчета, сколько капля воды от беспредельного моря, даже еще более. Вот слова Христа: “Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими; когда начал он

считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить” (Мф. 18:23–25). Потом, когда этот должник, помилованный господином, вышедши, стал душить своего товарища, должного ему сто динариев, и тем разгневал господина, то последний приказал снова ввергнуть его в темницу, пока не отдаст всего. Вот как велико различие между грехами против Бога и грехами против человека! Так же велико, как между десятью тысячами талантов и сотнею динариев, и даже еще более. Причина этого заключается как в различии лиц, так и в непрерывном повторении грехов. На глазах человека мы удерживаемся и опасаемся грешить; а Бога, хотя Он каждодневно на нас смотрит, не стыдимся, – напротив, и делаем все, и говорим обо всем безбоязненно. И не от этого только зависит важность грехов, но еще и от благодеяний и той чести, которою мы почтены от Бога. И если вы желаете знать, что значит “десять тысяч”, – и даже гораздо более – “талантов”, т. е. грехов к Богу, то я постараюсь показать это вкратце. Но я опасюсь, чтобы чрез это или не подать большего повода ко греху тем, которые склонны к беззаконию и любят непрестанно грешить, или не ввергнуть в отчаяние малодушных, которые, подобно апостолам, может быть, спросят: “Кто же может спастись” (Лк. 18:26)? Однако же скажу, чтобы внимательных сделать более твердыми и благодушными. Страждущие неизлечимою болезнью и не чувствующие ее, и без моих слов не оставят своего нечестия и нерадения. Если же мои слова подадут им больший повод к беспечности, причина будет заключаться не в них, а в самой их бесчувственности. По крайней мере, поучение мое внимательных может обуздать и довести до сердечного сокрушения, а мягких сердцем, показав им тяжесть грехов их и открыв силу покаяния, более расположить к нему. Потому почитаю нужным говорить. Таким образом в

слове своем я изложу грехи как по отношению к Богу, так и по отношению к людям, – и притом не частные, но общие, так как частные каждый может присовокупить, советуясь с своею совестью. А для того предварительно изображу божественные благодеяния. Итак, какие же благодеяния Божии? Он даровал нам бытие и сотворил для нас все видимое: небо, море, землю, воздух и все в них содержащееся: животных, растения, семена; но невозможно исчислить всех Божиих дел по причине беспредельного их множества! Из всех тварей, населяющих землю, в нас только одних вдохнул душу живую; насадил рай, дал помощницу, поставил владыками над всеми бессловесными, увенчал славою и честью. Потом, когда человек оказался неблагодарным к своему Благодетелю, Он удостоил его еще большего благодеяния.

2. В самом деле, смотри не на то только, что Бог изгнал человека из рая, но обрати внимание и на ту пользу, которая произошла отсюда. По изгнании из рая, Он оказывал людям бесчисленные благодеяния, совершил различные строения спасения, и наконец послал едиnorodного Сына Своего к облагодетельствованным Им и ненавидящим Его, отверз нам небо, отпер двери рая, и нас, врагов Своих неблагодарных, соделал сынами. Потому прилично теперь сказать: “О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия” (Рим. 11:33)! Он дал нам крещение во оставление грехов, освободил от наказания, сделал наследниками царствия, обещал бесчисленные блага добродетельно живущим, простер к нам Свою руку, и излил Духа в сердца наши. Итак, что же, после таких бесчисленных Божиих благодеяний? Какое мы должны иметь расположение к Нему? Воздали ли бы мы не только достойную, но даже самомалейшую часть долга и тогда, когда бы каждый день умирали за Того, Который столько возлюбил нас? Нимало. И это самое обращалось бы в нашу пользу. Но такие ли мы имеем к Нему расположения, какие должно

иметь? Мы каждодневно нарушаем Его законы. Не оскорбляйтесь, если я обращаю свое слово против грешников: я буду обвинять не вас только, но и самого себя. Итак, с кого бы мне начать, по вашему желанию? С рабов или с свободных? С воинов или простолюдинов? С начальников или подчиненных? С жен или мужей? С старцев или юношей? С какого возраста? С какого рода? С какого чина? С какого звания? Угодно ли вам, чтобы я начал свое слово с воинов? И что же? Не грешат ли они каждодневно, оскорбляя, понося других, неистовствуя, и всячески стараясь сделать их несчастными? Будучи подобны волкам, они никогда не чужды злодеяний. Да и может ли море быть без волн? Какая страсть не возмущает их! Какая болезнь не обдержит их души! По отношению к равным они водятся ненавистью, завистью и тщеславием; по отношению к подчиненным – корыстолюбием; по отношению к тяжущимся и прибегающим к ним как к пристани – коварством и клятвопреступлением. Сколько производят они хищений! Сколько у них обманов! Каких нет между ними клевет и непозволенных торгов! Сколько между ними раболепных ласкательств! Теперь противопоставим каждому пороку закон Христов. “Кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной” (Мф. 5:22). “Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею” (Мф. 5:28). “Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное” (Мф. 18:3). Воины же надмеваются пред подчиненными и вверенными их власти, которые трепещут пред ними и страшатся их, так как они жестокостью своею превосходят зверей. Ничего не делают ради Христа, а все для чрева, для корыстолюбия и тщеславия. И можно ли исчислить в слове все незаконные их поступки? Кто в состоянии описать их насмешки, неумеренный смех, неприличные разговоры, постыдные слова? А о корыстолюбии и говорить нечего. Как монахи, живущие в горах, не знают, что такое корыстолюбие, так и воины, – только по противоположным причинам. Первые

не знают этой страсти потому, что слишком далеки от этой болезни: а последние не чувствуют того, какое великое зло эта страсть, по той причине, что чрезмерно упиваются ею. Эта страсть до того искоренила в них добрые расположения и так возобладала над ними, что не почитается даже у этих неистовых людей и тяжким преступлением. Но не угодно ли вам, оставивши воинов, посмотреть на других, более кротких? Обратимся, например, к художникам и ремесленникам. Кажется, эти люди преимущественно пред другими снискивают пропитание справедливыми трудами и собственным потом; но и они, при всех трудах своих, подвергаются многим порокам, когда бывают невнимательны к себе самим. К праведным трудам своим они часто присовокупляют несправедливую продажу и куплю; из корыстолюбия лгут, клянутся и нарушают клятву. Они заботятся только о настоящей жизни, прикованы к земле: все делают из корыстных видов и, желая умножить свое имение, мало пекутся о подании помощи нуждающимся. Кто может изобразить употребляемые при этом злословия, обиды, барыши, проценты, договоры, коварно заключаемые бесчестные торговые дела?

3. Впрочем, если вам угодно, оставим и этих, и перейдем к другим, – более, по-видимому, справедливым. Кто же это? Это те, которые владеют поместьями и собирают богатство от плодов земли. Но можно ли найти кого несправедливее их? Если посмотрите, как они поступают с бедными, несчастными земледельцами, то увидите, что свирепость их превышает жестокосердие варваров. Тогда как земледельцы истаивают от голода, изнуряют себя всю жизнь трудами, – они непрестанно налагают на них новые тяжкие оброки, определяют их к самым трудным работам и употребляют их вместо ослов и лошаков, и даже вместо камней. Не давая им ни малейшего отдыха, и во время плодородия, и во время

бесплодия равно угнетают их и никакой пощады им не оказывают. Есть ли кто-нибудь несчастнее этих бедняков, которые трудясь всю зиму, проводя ночи на холоде, под дождем, без сна, и за все это не получая никакой платы, но еще задолжавши, принуждены бывают убегать от своих господ, не столько спасаясь и боясь голода и домашнего расстройств, сколько мучений, насилия, истязаний, тюрьмы и неизбежных работ – от управителей? Что сказать о торгах, чрез них производимых, и о несправедливых прибытках, отсюда получаемых? Господа, их притесняющие, наполняя свои точила и подточилия от трудов и пота их, не позволяют этим беднякам брать в свои дома ни малейшей части; но весь плод от винограда вливая в свои несправедливые сосуды, бросают им за это самую малую плату. Они выдумывают новые роды процентов, недозволенные законами даже у язычников; составляют самые бесчестные долговые акты, в которых требуют не сотой части, но половины всего имения от должника; и хотя бы последний имел жену, воспитывал детей, хотя бы был человек бедный и собственными трудами собирал в свое гумно и точило, – они об этом не размышляют. Потому уместно здесь привести слова пророка: “ужаснися небо, и убойся земля!” (Иер.2:12) До какого неистовства дошел род человеческий! Говоря обо всем этом, я не осуждаю искусств, земледелия, воинского звания, поместьев, – но нас самих. И Корнилий был сотником, и Павел был скинотворцем, и после проповеди занимался своим ремеслом, и Давид был царем, и Иов был господином большого имения и получал великие доходы; но все это никому из них не послужило препятствием к добродетели. Итак, рассмотревши все это и вспомнив о тьме талантов, потщимся хоть поэтому прощать ближнему малочисленные и неважные оскорбления. Мы должны дать отчет в исполнении предписанных нам заповедей; но мы не в состоянии исполнить всего, что бы мы ни делали. Поэтому Бог и дал нам легкое и удобное средство к уплате совершенно

всех наших долгов, – то есть, забвение обид. А чтобы лучше уразуметь это, выслушаем всю притчу по порядку. “Приведен был, – говорит Спаситель, – к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей” (Мф.18:24–25). Почему же велел и жену продать? Не по жестокости или бесчеловечию (в таком случае раб его потерпел бы новый урон, так как тогда и жена сделалась бы рабою), но по особенному намерению. Таким строгим повелением хотел устрашить раба своего, и тем побудить его к покорности, без всякого намерения продать. Если бы он имел это в виду, то не внял бы его просьбе и не оказал бы ему своего милосердия. Но почему же он не сделал этого, и не простил ему долга прежде такого повеления? Чтобы вразумить его, сколько долгов он прощает ему, и чрез это заставить его быть снисходительнее к своему товарищу, который был должен ему. В самом деле, если он и тогда, как узнал и тяжесть своего долга, и великость прощения, стал душить своего товарища, то до какой бы жестокости не дошел он, если бы наперед не был вразумлен этим средством? Как же на него подействовало это средство? “Потерпи на мне, – говорит он, – и все тебе заплачу” (Мф. 18:26). Господин же его, “умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему” (Мф. 18:27). Не открывается ли и здесь опять его чрезмерное человеколюбие? Раб просил только отсрочки времени, а он дал ему более просимого: он отпустил ему весь долг и простил его. Господин и прежде хотел простить долг рабу своему, но не хотел, чтоб это было одним только даром его, – но и следствием покорности раба, чтобы и со стороны его что-нибудь было сделано для получения награды. Впрочем причина прощения показывает, что все это зависело от самого господина, хотя раб припадал к нему с своим прошением. “Умилосердившись над рабом тем, – сказано, – отпустил его”. Однако же господин так поступил, чтобы и со стороны раба

была причина прощения ему долга (иначе он был бы совершенно посрамлен), и чтобы, научившись собственным несчастьем, был снисходительнее к своему товарищу.

4. И действительно, в это время раб был добр и чувствителен: он ни от чего не отрекся, – дал обещание заплатить долг свой, припал к господину с прошением, возгнушался грехами своими и познал великость своего долга. Но последующие его поступки совершенно не соответствуют прежним. Выйдя же тотчас, – не чрез несколько времени, но тотчас, еще живо ощущая благодеяние, ему оказанное, – он во зло употребил и дар, и свободу, ему данную. "Нашел, – говорится, – одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен" (Мф. 18:28). Не очевидно ли человеколюбие господина, не очевидна ли и жестокость раба? Заметьте это, поступающие так из-за прибытков! Если не должно так поступать во внимание к греху, то тем более из-за прибытков. Итак, что же сказал должник? "Потерпи на мне, и все отдам тебе" (Мф. 18:29). Но тот не тронулся этими словами, которые спасли его самого: ведь и он, сказав то же самое, прощен был в десяти тысячах талантов; он не вспомнил о пристани, спасении его от потопления; та же самая просьба не напомнила ему о человеколюбии господина. Но по любостяжанию, жестокосердию и злобе, пренебрегши всем этим, душил своего товарища с жестокостью, несвойственной даже диким зверям. Что ты делаешь, человек? Или не чувствуешь собственного обольщения? Не вонзаешь ли меч в самого себя, вооружая против себя милость господина и отпущение им долга? Но он нимало об этом не размышлял, подобного случая, бывшего с ним, не припомнил, а потому и не сделал должнику своему никакого снисхождения, хотя последний просил о долге и не так важном. Сам он просил господина о прощении десяти тысяч талантов, а этот только о

сотне динариев; последний просил у равного себе, а тот у господина. Сам он получил совершенное прощение, а товарищ просил только отсрочки времени, но он и в этом отказал ему, – потому что сказано: “посадил его в темницу...Товарищи его, видев происшедшее” (Мф. 18:30–31), обвинили его пред господином. Даже и людям это было неприятно: что сказать о Боге? Так негодовали на него не имеющие на себе долга! Что же сказал господин? “Злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя” (Мф. 18:32–33)? Примечай опять кротость господина! Он судится с рабом своим и как бы защищается, намереваясь уничтожить свой дар (или лучше, не он уничтожил, но сам получивший), а потому и говорит: “Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего”? Хотя и тяжким для тебя кажется простить долг ближнему своему, но ты должен обратить внимание и на ту пользу, которую ты уже получил и имеешь получить; хотя и тяжело повеление, но надлежало помыслить о награде за исполнение его. Притом товарищ не оскорблял тебя, напротив ты оскорбил Бога, простившего тебя за одно только прошение твое. Если бы даже он и оскорбил тебя, и для тебя несносно быть ему другом, то еще несноснее попасть в геенну. Если бы ты то и другое сравнил между собою, то увидел бы, что первое гораздо легче последнего. Когда он был должен десять тысяч талантов, господин не называл его лукавым, и не укорял его, но помиловал его. Как же скоро он поступил жестоко с своим товарищем, то господин сказал: “Злой раб!” Слушайте, лихоимцы (к вам слово)! Слушайте, безжалостные и жестокие! Вы жестоки не для других, но для самих себя. Когда ты питаешь злобу, то знай, что ты питаешь ее к самому себе, а не к другому, обременяешь самого себя грехами, а не ближнего. Что бы ты ни делал последнему, все это сделаешь как человек, и притом

в настоящей только жизни; но Бог не так поступит: Он подвергнет тебя большему и вечному мучению в жизни будущей. “Отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга” (Мф. 18:34), – т. е. навсегда, потому что он никогда не будет в состоянии заплатить своего долга. Если благодеяние тебя не сделало лучшим, то остается исправлять тебя наказанием. Хотя благодеяния и дары Божии непреложны, но злоба так усилилась, что нарушила и этот закон. Итак, что хуже памятозлобия, когда оно может лишить нас столь великого дара Божия? Господин не только предал раба своего мучителям, но и прогневался на него. Когда он приказывал его продать, то приказание дано было без гнева; Потому-то он не исполнил последнего, и это служит яснейшим доказательством его человеколюбия. Но теперь делается определение с великим негодованием, определение мести и наказания. Итак, что означает эта притча? “Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его” (Мф. 18:35). Не говорит: Отец ваш, но: “Отец Мой”, – потому что недостойно называться Богу Отцом столь лукавого и столь человеконенавистного раба.

5. Итак, требование Спасителя двоякое: чтобы мы чувствовали свои грехи, и чтобы прощали другим. Чувствовать свои грехи нужно для того, чтобы удобнее было прощать их другим (так как размышляющий о собственных грехах снисходительнее бывает к ближнему). Прощать же другим мы должны не словами только, но от чистого сердца. Итак, не будем же обращать против самих себя меча своим памятозлобием. Чем и в такой ли мере причинит тебе зло оскорбивший тебя, сколько ты сам себе причинишь, питая в себе гнев и подвергаясь за то осуждению от Бога? Если ты будешь рассудителен и любомудр, то зло обратится на главу оскорбившего, и он жестоко пострадает. Если же ты будешь

оскорбляться и негодовать, то сам пострадаешь, – не от него, а от самого себя. Итак, не говори, что другой оскорбил тебя и оклеветал, и причинил большое зло: чем больше будешь говорить, тем более покажешь, что он твой благодетель. Он доставляет тебе случай освободиться от грехов, так что, чем больше наносит тебе обид, тем больше становится причиной очищения грехов твоих. Действительно, если мы захотим, нас никто не может обидеть; самые даже враги величайшую доставят нам пользу. Но что говорить о людях? Может ли кто быть лукавее дьявола? Но и он может доставить нам удобнейший случай к нашей славе, как это показывает пример Иова. Если же дьявол доставляет случай получать венцы, то для чего бояться врага – человека? Смотри, сколько получаешь ты пользы, перенося безропотно обиды от врагов: первая и важнейшая – отпущение грехов; вторая – терпение и великодушие; третья – кротость и человеколюбие, так как тот, кто не способен гневаться на оскорбляющих его, тем более будет кроток в отношении к любящим его; четвертая – совершенное истребление гнева, с чем никакое благо не может сравняться, так как свободный от гнева без сомнения свободен и от неприятностей, с ним соединенных, и не проводит жизни в напрасных огорчениях и муках. Не умеющий враждовать не знает и печали, но наслаждается радостью и другими бесчисленными благами. Итак, ненавидя других, мы сами себя наказываем, равно как любя других, благодетельствуем сами себе. Притом тебя будут уважать все, даже и сами враги, хотя бы они были демоны; вернее же сказать, поступая таким образом, ты уже не будешь иметь и врага. Но что всего важнее, ты приобретешь милосердие Божие. Если ты согрешил, получишь прощение грехов своих; если прав, получишь большее дерзновение к Богу. Итак, не будем питать ненависти ни к кому, чтобы и самим заслужить любовь от Бога, – и тогда, хотя бы мы десятью тысячами талантов были должны, Он умиласердится над нами и

помилует нас. Но ты обижен ближним? Потому-то и будь снисходителен к нему; не питай ненависти; плачь и рыдай, а не презирай его: ведь не ты прогневал Бога, но он; а ты, перенесши обиду, поступил достохвально. Припомни, что и Христос, идя на крестную смерть, о Себе радовался, а о распинателях Своих плакал: подобным образом и нам надлежит поступать. Чем более нас обижают, тем более мы должны оплакивать обидевших нас; для нас отсюда происходит великое благо, для них же, напротив, великое зло. Но ближний тебя обидел при всех, и даже ударил? Это значит лишь, что он при всех обесчестил и посрамил самого же себя, и тысячу обвинителей вооружил против себя, тебе же, напротив, приготовил многие венцы и дал многих глашатаев твоего великодушия. Но он оклеветал тебя пред другими? Что тебе и до этого, когда Сам Бог будет рассматривать твое дело, а не те, которые слышали клевету? Он только прибавил лишний повод для своего наказания, так как должен будет дать ответ не только за свои поступки, но и за то, что осудил тебя.²¹ Тебя он оклеветал пред людьми, а сам сделался виновным пред Богом. Если же для тебя этого недостаточно, то вспомни, что и Сам Владыка был оклеветан и от сатаны, и от людей, и притом пред теми, которых Он наиболее любил. То же самое испытал и едиnorodный Сын Его, Который потому и сказал: “Если хозяина дома называли веельзевулом, не тем ли более домашних его” (Мф. 10:25)? И не только оклеветал Его злой тот демон, но даже успел клевету свою выдать за истину, и оклеветал не в маловажном чем-нибудь, но в величайших и позорных преступлениях: называл Его и беснующимся, и льстецом, и противником Богу. Но ты, оказав благодеяния ближнему, терпишь от него обиду? Поэтому-то особенно плачь и болезнуй о причинившем тебе зло, а о себе радуйся: ты уподобился Богу, “Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми” (Мф. 5:45). Но если подражание Богу превосходит твои силы (хотя для ревностного и это не трудно,

но пусть тебе кажется это сверх твоих сил), то мы укажем тебе пример для подражания в подобных тебе рабах. Посмотри на Иосифа: он хотя претерпел бесчисленные бедствия от своих братьев, однако же, облагодетельствовал их; посмотри на Моисея, который, после бесчисленных против него злоумышлений иудеев, молился за них; посмотри на блаженного Павла, который, не мог даже исчислить страданий, какие потерпел он от иудеев, и при всем том желал еще быть за них под анафемою; посмотри на Стефана, который, будучи побиваем камнями, молился об отпущении греха этим убийцам. Припомнив все это, оставь всякий гнев, чтобы и тебе Бог оставил все прегрешения твои, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

* * *

21 ἵνα μὴ μόνον ὑπὲρ τῶν οἰκείων, ἀλλὰ καὶ ὑπὲρ ὧν περὶ σοῦ διελεχθῇ, παρασχῇ ἡ λόγος. По-видимому, Златоуст выражает ту мысль, что клеветник должен дать ответ и за те поступки, которые он возвел на другого.

{{_LINK1_}}